

love_sf
love_sf

Елена
Счастливая

Беглянка с секретом (СИ)

Бежала от участи наложницы мага, а попала в замок к самому могущественному из них. Его сердце наполняет огонь, а прошлое хранит ворох опасных тайн. И, коснувшись их, я рискую навсегда оказаться в его власти. Бежать снова или довериться почти незнакомому мужчине, надеясь на защиту от тех, кто мечтает стереть меня в порошок? Ведь судьба неизбежно возвращает меня в его руки, а вокруг сжимается кольцо преследователей, которые хотят забрать похищенную мной ценность.

ru

FictionBook Editor Release 2.6.6
29 June 2019
219A2646-8B10-49C0-8C0B-BFEDED72E683
1.0

1.0y

Беглянка с секретом - Елена Счастливая

Глава 1

— Вы чего-то нынче, как былинка, качаетесь, офате Делериш, — я так и почувствовала, как взгляд служанки Реби кольнул затылок. Наверняка подозрительный и чуть насмешливый. Я стояла, придерживая перекинутые через плечо волнистые волосы, и руки уже немели от неудобного положения. Меня покачивало каждый раз, как служанка затягивала шнуровку платья на спине. Солнце, уже поднявшись над горизонтом, ползло по бледно-зелёному

льняному подолу вверх и скоро обещало начать меня поджаривать. За ушами намокли и

завились волнами мелкие прядки.

– А ты нарочно дёргаешь посильнее, – парировала я, чуть обернувшись.

▲Так и есть – служанка смотрела исподлобья, каждый раз отмечая мою реакцию на её неосторожные движения. Вот же гадина. Как будто для меня выбрали самую несносную помощницу. Только пять дней назад я приехала в малую королевскую резиденцию

Пьятра Гри,

а жизнь уже значительно подпорчена.

– Что вы, – от голоса Реби аж стало приторно на языке.

Да огрызаться снова не хотелось – силы за весь день понадобятся. После бала-смотрин для

принца Венцеля и его соратников многие ещё только поднимались с постелей.

Закончилось

веселье далеко за полночь, и будущим амантам, а по сути – наложницам наследника и его

приспешников, запрещено было покидать приём слишком рано. Теперь ноги зудели от бесконечных танцев, а боль в скулах напоминала о вечной улыбке, которую приходилось

удерживать на губах.

Колыхнулся воздух в чуть душной комнате. Покачнулись прозрачные кремовые занавески,

тонко вышитые цветами.

– Доброе утро, Йоланта! – звонкий голос моей подруги Донаты, вместе с которой мы приехали из пансиона Рассветной Матери, рассёк плотный воздух. – А ну-ка, Реби!

Иди,

лучше приготовь нам чая и тех вкусных крендельков принеси, – она пощёлкала пальцами. – С

глазурью из... Всё время забываю.

– Из бер-альбы, – подсказала служанка.

– Да-да.

Реби тут же перестала мучить меня и степенно вышла, достаточно громко хлопнув дверью. Я

присела на диванчик в стороне от солнечного пятна, что падало из окна.

Расправила волосы по

плечам.

– Ты должна мне помочь, – вдруг совершенно другим, серьёзным и даже встревоженным

тоном заговорила Доната. Она подхватила меня под локоть, снова поднимая на ноги, и

оттащила к дальней стене, где стояло светлое резное трюмо из тиса.

– Что с тобой? – я выдернула руку из её крепких пальцев и потёрла там, где остались от них

ощутимые болезненные следы.

– Ты должна мне помочь, – повторила подруга, понижая голос. – Сейчас советник Миклош

спит. После красного Гроуросского. Да и после снотворного. А как проснётся, у него ко мне

появится много вопросов.

Я уже догадалась, конечно, что Доната провела эту ночь в постели молодого и перспективного

мага-Собирателя и друга принца Натана Миклоша. И даже успела поразиться её хватке: не

стала ждать, пока кто-то её выберет. Сама присмотрела себе приятно наружностью

мужчину

и решила обозначить первые узы. Да вот подоплёка этого грозила открыться только сейчас.

– Что ты натворила? – я обхватила шею ладонью, чувствуя, как сердце подпрыгнуло к горлу.

Связываться с магами любых классов опасно. Особые силы порой делают их неуравновешенными и резкими. А уж если чем-то разозлить...

– Сначала скажи, что ты мне поможешь! – подруга поймала мою кисть. Её ладонь была влажной и холодной.

– Прости, но нет. Пока ты мне не скажешь, в чём дело!

Доната прикрыла веки, запрокинув голову в показном мучении. Да не на ту напала, чтобы я не

глядя раздавала опасные обещания.

– Я украла у него карту Колодцев. Магических Колодцев, если ты понимаешь...

– Ты с ума сошла?! – я вскочила, но не успела уйти далеко.

Доната поймала меня за шитый серебряной нитью пояс и встала за спиной. Торопливо распустила шнуровку и принялась затягивать вновь. Зайди кто в комнату – увидят просто

обычные прихорашивания девиц.

Конечно, я понимала, о чём она говорит. Об источниках, что давали силы магам, нам много

рассказывали в северном пансионе Рассветной Матери. Но где они находятся, можно было

знать только некоторым из приближенных короля Рокуша Пятого или его старшего сына

Венцеля. А уж о том, чтобы кому-то из посторонних прикоснуться к недозволенному – о том и

думать страшно.

– Выслушай... – шепнула подруга.

– Тебя казнят, если поймают, – я дёрнулась прочь, но Доната держала крепко.

♣– Если поймают, – она склонилась ближе к моему уху. – Сейчас много внимания будет

приковано ко мне. И если они не найдут у меня карту, то скоро отвяжутся. А ты пока сумеешь

ускользнуть из замка. У меня всё подготовлено. Я знаю, как выйти.

– Зачем тебе эта карта? Для женщин она бесполезна.

– Я хочу её продать. И тогда денег мне хватит, чтобы уехать далеко и устроить жизнь. А не

стать подстилкой для какого-нибудь пузана из Совета. Если ты поможешь мне, мы разделим всё

поровну. Денег хватит для обеих. Ты ведь тоже не хочешь застрять здесь, пока не надоешь

принцу и его прихлебателям? Пока тебя не обрюхатят в угоду Короне.

Я закусила губу, слушая её торопливое гневное бормотание. Конечно, мне не хотелось

становиться амантой, как бы эту мысль ни втолковывали в пансионе. И вынашивать ребёнка для

кого-то из магов в надежде, что тот родится с одной из трёх рун между лопаток, которая

означала бы, что он тоже маг. А если нет? Мало кому из женщин-амант удавалось понести

такое дитя за последние пятьдесят лет. Значит, исход один: в случае неудачи амант зачастую

отдают магам для исследований. Нет, они не умирают. Вернее, не все. Судьба же других весьма туманна.

– Соглашайся, – задушевым шёпотом надавила на мои сомнения Доната.

Больше всего на свете я мечтала убраться из Пятра Гри. Уехать подальше – а там будь, что

будет. И руну пуртат, которая говорила о том, что я могу выносить дитя самого сильного мага,

аж жгло. Никогда я не ощущала её так ясно.

– Если соглашусь... Когда придётся бежать? – я еле выдавила слова из пересохшего от

волнения горла.

– Сегодня.

Высокая дверь в мои покои распахнулась, и Реби вошла внутрь с широким подносом, на

котором поблескивали золотой росписью фарфоровый заварник и изящно изогнутые чашки.

– Это же надо так криво зашнуровать, – нарочито громко проговорила Доната, поглядывая на

служанку и завязывая ленту на моей спине аккуратным бантом. – Надо бы тебе, Йоланта,

обратиться офэми кир Ворниш, чтобы она поменяла тебе прислугу, – она ясно выделила

последнее слово, – Не то скоро сама станешь на неё похожа.

Порой Доната была язвительна и злословна до неприличия, за что не раз получала от

наставницы в пансионе пыльной тряпкой по губам. Но такое случалось только по отношению к

неприятным ей людям. Со мной и другими девушками, что были нам близки, она всегда

оставалась приветливой.

Реби покривилась, вздёргивая подбородок. Прошла до залитого солнечным светом стола у окна

и с грохотом поставила поднос на него.

– Ваш чай, – словно камнем уронила.

– Спасибо, – я взмахнула рукой. – Можешь идти.

– Его высочество просил предупредить всех, чтобы не задерживались за сборами, – с долей

мстительности ответила та. – Он и другие господа маги будут ждать всех амант за завтраком.

Как только служанка вышла, мы с Донатой расселись в строгие кресла с высокими резными

спинками. Сидеть в них было бы вовсе не удобно, если бы не мягкие подушечки, уложенные на

сиденья.

– Сама, наверное, не раз подол перед магами задирала, – проворчала я тихо. – А смотрит на

нас, словно на шлюх.

– Мы хотя бы привилегированные шлюхи, – горько фыркнула Доната.

Я покачала головой подтягивая к себе чашку ближе. Вот этого как раз и не хотелось. До того,

что ночью порой доводилось просыпаться от кошмаров, в которых меня лапали чьи-то настойчивые, обжигающе горячие руки. Трогали в самых постыдных местах, а я не

могла

воспротивиться, словно связанная.

Подруга, то и дело настороженно поглядывая на дверь, налила мне и себе чай.

– До завтрака мы ещё успеем что-то обсудить.

Она потянулась за хрустящим крендельком, которые с горкой наполняли высокую вазочку. Их

покрывали липкой глазурью из редкой белой ягоды, которая давно уж не росла в лесах просто

так: её теперь выращивали нарочно. И только под присмотром магов-садовников.

Обычным

людям такое лакомство было недоступно. Лишь в самых дорогих пекарнях изредка можно было

ухватить баночку джема или выпечку с ней. Говорили – может быть, и вралли – что бер-альба

оказывает на женщин, отмеченных руной пуртат, странное воздействие: они становятся

любопытными до любви. И внутри них всё подготавливается нарочно для того, чтобы зародилось

дитя. Для остальных же это просто дорогое удовольствие, которым можно

прихвастнуть на

праздничном столе.

Кто знает, куда ещё, кроме этих пресловутых крендельков, добавляли драгоценный сок бер-

альбы, но пока я никакого особого эффекта не заметила. Как ни много было на вчерашних

смотрюнах привлекательных мужчин – да и сам принц Венцель. Уж он-то слыл самым завидным красавцем во всём королевстве. А всё равно при виде него аж дурнота к горлу

подступала. Особенно если представить, что к нему, возможно, когда-то придётся лечь в

постель.

– Я ещё не дала согласия, – я отпила горячего ароматного, сдобренного мятой чая.

–

Расскажи мне лучше, куда ты дела карту и как в случае чего собиралась бежать из нашпигованного стражей замка.

Доната неопределённо покачала головой. Видно, эти мысли беспокоили её побольше моего.

– Нужные люди рассказали мне о некоторых тайных ходах, через которые можно выйти за

стену, – она снова покосилась на дверь, за которой слышался гулкий шум голосов и шаги.

Малая резиденция просыпалась после бала и вновь наполнялась жизнью.

– Почему тогда ты не выберешься сама? – я чуть наклонилась к ней, вглядываясь в насыщенного зелёного цвета глаза.

Доната была просто обжигающе красивой: вовсе не удивительно, что именно ею прельстился

вчера этот советник Миклош. Её шоколадного цвета волосы сейчас были присобраны на

затылке и мягкими волнами падали на слегка открытые в широком вырезе плечи.

Идеально

правильного мягкого изгиба губы горели бледно-алым от волнения, а полная грудь тревожно

вздыхалась.

По сравнению с ней меня, наверное, можно было назвать молью. Невысокая, худощавая –

сколько бы меня ни кормили в пансионе, стараясь “нарастить фигуру”. Из гордости – лишь серебристо-белые волосы до пояса и большие голубые глаза, которые вчера на балу не отметил только немой или смертельно пьяный. Хотя нет, пьяные тоже отмечали – только приходилось прислушиваться, чтобы разобрать комплимент.

– За мной сразу отправят погоню, – пояснила Доната. – А так я пока отвлеку на себя всех, кто пожелает отыскать карту. Буду водить их за нос, сколько смогу. А ты выйдешь через ход в город. У таверны “Белая утка” тебя будет ждать повозка. Она отвезёт тебя... В дверь постучали громко и настойчиво. А после она отворилась.

– Офате Флоари! – окликнула Донату одна из экономок малой резиденции офэми кир Ворниш. Её звонкий сильный голос не забыть теперь вовек. А ещё немислимые взбитые кудри, которые она только едва закалывала на затылке. – Вас ждут внизу. В южной галерее.

Доната так и побелела вся. Прикусила губу и неловко поставила чашку на поднос. Та покачнулася и плеснула мне на колени, на счастье, уже остывшим чаем.

– Уже иду! Иду.

Экономка кивнула и скрылась за дверью, не дожидаясь её. Пока я пыталась стряхнуть мгновенно впитавшийся напиток с подола, она схватила моё запястье и задрала длинный рукав. Холодный обруч впился в кожу, словно он был остро заточен. Я дёрнулась от неожиданно неприятного ощущения.

– Что ты делаешь?! – попыталась выдрать руку, но та будто онемела. – Убери!

– Вечером надень самое неприметное платье, что у тебя есть, – торопливо зашептала подруга.

Хотя в том, что дружбу нам удастся сохранить, я уже начинала сомневаться. – Собери самые необходимые вещи прямо сейчас. Чтобы после не терять время. Этот браслет спрячь. На ужин лучше не ходить и прикинуться захворавшей, чтобы про тебя ненадолго забыли. Вот... – она сунула мне в обхваченную холодным браслетом руку два клочка бумаги. А в другую – железный ключ. – Одна карта – выход из замка. Вторая – путь до “Белой утки”. Ключ от замка – поймёшь, какого. Нам пока лучше не разговаривать больше. Встретимся в Одиине. На постоялом дворе “Одинокий бук”. Его хозяин знает о моём прибытии. Назовёшься Габи Иллеш.

Оттуда отправимся дальше вместе. Жди меня там.

Она поспешно встала, поправляя подол, и ушла, оставив в моей голове кучу вопросов, что билась бестолково, нагоняя страшное смятение. Я ведь не дала окончательного ответа. Не успела ничего решить – и вот на моей руке широкий, явно мужской браслет – правда, уже старомодный, таких давно не носят в свет. Но выглядел он всё равно как обычное

украшение. И
кто бы сказал, что это карта Колодцев? Видно, лишь маги могут с одного взгляда
это
определить. Или почувствовать.
Я посмотрела на дверь, за которой скрылась Доната и, отложив в сторону ключ и
пока не
развёрнутые карты, с виду больше похожие на огрызки бумаги, другой рукой
дотронулась до
браслета. Хотела просто снять и внимательнее рассмотреть узоры на нём,
витиеватые, явно
древние: с переплетёнными стеблями невиданных трав и головами незнакомых мне
животных.
А может, и вовсе чудовищ. Но стоило только коснуться кончиками пальцев ледяного
золота,
что почти обжигало мне руку холодом, как обруч вдруг сжался сильнее. Я тихо
вскрикнула,
боясь, что меня услышат. Попыталась сдёрнуть браслет с запястья, но тот сдавил
его до боли, а
после вдруг начал растекаться по коже, словно расплавился. Тонкие нити его
протянулись по
ладони, между пальцами и сомкнулись с тыльной стороны в подобии ажурной митенки.
Боль
становилась всё невыносимее. Кожа буквально готова была расползтись лохмотьями.
Но,
заковав мою кисть в кокон, золото начало пропадать, вплавляясь в неё. По всему
телу с кровью
метнулась короткая вспышка жара и опала, оставив меня сидеть у стола всю мокрую
от пота с
головы до ног, растерянную и напуганную. Это что – навсегда?! Кто-то сможет
извлечь из
меня эту карту или я так и останусь с ней под кожей?
Когда за мной пришла Реби, я уже успела прийти в себя, переодеться в чистое и
даже умыться,
желая избавиться от тягостного ощущения того, что меня измочалили о шершавую
каменную
стену.
Пришлось спускаться к завтраку. Жизнь в резиденции после бала, шумно прошедшего
накануне, пока текла вяло. Две девушки из амант, что были отобраны в другом
пансионе
Рассветной Матери – на юге королевства – и вовсе не пришли. И отчего-то брало
подозрение,
что они тоже провели ночь отнюдь не в своих комнатах. Возможно, они уже связаны
с теми, кто
их выбрал. Такое случается во время первой близости. Когда руна пуртат
сплетается с руной
мага, образуя совсем другой знак, который проявляется, только когда они вместе.
Кого-то устраивала такая жизнь – наложницы, на которой, если ты не из высокого
рода,
никогда не женится никто из приближенных к королю или принцу магов. Но о них
заботятся до
поры, купают в роскоши – пока не родится первый ребёнок. А там уже участь их
зависит от
того, какие способности он в себе заключит.
Девушки сидели за завтраком тихие и настороженные: уж каким бы буйным ни было

вчерашнее
веселье, щедро собранное вином, а с утра всё равно всем вновь стало неловко в
присутствии
всех этих мужчин самого высокого происхождения и самой большой силы. Тут были и
молодые
советники самого короля, которые лишь недавно вступили в права. И соратники
принца с самой
юности. Все они то и дело скользили острыми ощупывающими взглядами по четырём
девушкам, что сидели за другой половиной длинного стола.
В светлой, наполненной рассеянными занавесками на окнах лучами солнца столовой
поначалу
раздавался только мерный стук приборов о тарелки. Мы с Донатой старались даже
взглядами
лишний раз не пересекаться. И до жути хотелось узнать, что за встреча была у неё
в южной
галерее. Раз она тут, а не томится до выяснения правды в подземельях замка, то
ничего
страшного не случилось. Но Доната всё равно выглядела бледной и чуть напуганной.
Помалу мужчины, не слишком тревожа девушек, начали переговариваться, ничуть не
стесняясь
обсуждая прошедшие смотрины, от которых остались, признаться, смешанные
впечатления.
Кажется, всё было вполне прилично – со стороны. И даже спокойно и степенно
поначалу. Да
вот только все прекрасно знали, что кроется за всем этим показушным приёмом.
Впрочем, маги
выглядели довольными – и как-то унижительно было их веселье, словно они сходили
на
гуляние в публичный дом.
Правда, по виду молодых мужчин никто не сказал бы, насколько бурно прошёл их
вчерашний
день и как поздно он закончился. Принц Венцель и вовсе сиял, словно серебряный
кубок.
Одетый в лёгкую белоснежную рубашку с небрежно закатанными к локтям рукавами, в
плотный, тесно облегающий его грудь и узкую талию камзол до середины бедра – он
выглядел
свежим и хорошо отдохнувшим. Надо думать, тут не обошлось без какого-нибудь
хитрого
снадобья, которым его одарил один из приближённых. Даже его пепельно-русые
волосы
нестерпимо, слишком глянцево сияли, ловя рассеянные лучи солнца, что лились на
его голову и
плечи из окна сбоку. На груди поблескивал хрустальный, тончайшей работы,
собирающий
сосуд, который стягивал энергию по каналам от ближайшего открытого Колодца к
нему. Такие
▲полагались всем магам, кроме Видящих. Принц был настолько нереально безупречен,
что аж
оскоминой всё во рту сковывало. И любоваться бы, да я всё отводила взгляд,
словно от
слишком усердно начищенной медной монеты, которая слепит глаза. Остальные
мужчины явно
меркли на его фоне, хоть и старались изо всех сил ни в чём ему не уступать.
Да только и светлый, почти безмятежный взгляд его высочества потускнел, а

мягкие, но всё же
не лишённые мужественности черты лица заострились от неудовольствия, как только
вальжанный разговор с гостями свернул в неожиданное русло.
– Зря Альдор де ла Фиер не приехал. Многое упустил, – окинул девушек масляным
взглядом
худощавый и высокий смотритель королевских алхимических мастерских Валер де ла
Стан. Он-
то, видно, и преподнёс Венцелю то самое снадобье, что быстро вернуло ему
бодрость после
затянувшегося веселья. Он откинул от лица тёмные прямые волосы, и улыбнулся
чему-то – как
будто приятному воспоминанию.
– Зря? – фыркнул принц Венцель. Возмущённым жестом он бросил на стол вилку. – Да
радуйся, что этот надменный ублюдок – простите, милые офате! – остался в своём
каменном
коробе рядом со своим калечным братцем. Мне пришлось звать его из обязательств.
Из его
статуса. Да я только рад, что он не приехал. Иначе своей кислой физиономией он
испортил бы
весь вечер.
Красиво изогнутые чёрные брови принца сошлись к переносице. Он вновь взял со
стола прибор
и зло воткнул его в хрустящий лист салата. Соратники его многозначительно
переглянулись,
никак не комментируя столь явное неприятие единственного не приехавшего на бал
гостя. Но,
видно, что-то случилось между Венцелем и этим загадочным Альдором, раз в каждом
слове его
сквозила едва не ненависть.
Девушки тоже озадаченно обменялись взглядами, но на их лицах всё же отразилось
некоторое
понимание. Да и не удивительно. Мало кто не слышал фамилию де ла Фиер. Крупные
попритеры (Попритер – землевладелец, аристократ, имеющий высокий статус при
дворе, прим.
автора), им принадлежала целая провинция на севере королевства, границы которой
заканчивались только недалеко от Пьетра Гри. Богачи, владеющие глубокими
рубиновыми
копями в Некларских горах. От их рода сейчас остались двое сыновей – а вот о них
я знала
мало. В пансионе о братьях де ла Фиер рассказывали неохотно, как будто они сами
не слишком-
то распространялись о своей жизни. Слышала только, что младший ещё очень молод,
едва не
ребёнок, а старший – один из завиднейших женихов королевства – вовсе не
отбивается от
наседающих со всех сторон невест. Может, страшен, как взор прислужника Закатной
Матери? Я
его не видела, потому и представить не могла.
Но его демонстративный отказ приехать на обязательный для самых сильных магов
бал наделал
в Пьетра Гри немало шума.
– А может, вы боитесь, ваше высочество, что он составил бы вам неплохую
конкуренцию? –
не удержался от колкости чуть опоздавший на завтрак унбар Мариан Шербан.

Гнева его высочества он, видно, не боялся. Потому как был приближен к самому королю. И

складывалось впечатление, что считал встречу всех этих молодых выскочек несерьёзной

забавой. У него-то, говорили, были совсем другие цели.

Венцель заметно взвился на его слова, но всё же сохранил ещё какое-то самообладание.

– Вы придержали бы своё ехидство, унбар Шербан, – нарочито ласково проговорил принц. –

Кому он мог бы перейти дорогу, так вам в первую очередь. Да и мало приятного вообще

общаться с де ла Фиером. Он, как змея, отравляет всё вокруг себя. Будто вы не знаете.

Мариан неопределённо пожал плечами, с лёгкой усмешкой на губах вновь опуская взгляд в

свою тарелку.

– В малых дозах яд змей для некоторых весьма полезен, – всё же добавил он.

Но молчаливым велением принца разговоры об Альдоре де ла Фиере были прекращены.

Воцарилось смущённое молчание. Мужчины чуть поумерили вдохновлённую

взбудораженность, всё больше теперь помалкивая. Лишь один раз за оставшееся время

завтрака, когда ощутимо начало давить на всех взволнованное напряжение, Венцель разомкнул

губы, чтобы обратиться к будущим амантам:

– В ближайшие дни мы объявим о своём решении относительно вас, милые офате, – он улыбнулся даже, но, кажется, не слишком уже был доволен тем, что должно было случиться.

Словно всё обдумал ещё раз и омрачился некой посетившей его мыслью. Ведь вряд ли невеста,

которая ждала его в столице, будет рада узнать, что у наречённого появится новая любовница

▲едва не раньше, чем состоится свадьба. Но такова уж участь аристократок, не отмеченных

рунами. Они могут становиться жёнами самых высших магов, но не могут родить от них

наделённых силой детей. А потому им приходится мириться с тем, что в жизни возлюбленных и

мужей рано или поздно, возможно, появится ещё одна женщина – без особых прав и высокого

происхождения – но которая так или иначе будет занимать его мысли.

– Каким образом вы дадите нам знать? – не удержалась я от вопроса, глядя прямо в ореховые

глаза принца. – Снова устройте приём? Огласите во всеуслышание?

Он усмехнулся слегка, будто только что меня заметил. И обижаться не на что:

вчера он больше

присматривался к Донате, пока та не улизнула с Натаном Миклошем, которого, к слову сказать,

за столом ещё не было. Видно, крепкое зелье добавила ему подруга в вино.

– Из первых уст, – почти шепнул он, меряя меня заинтересованным взглядом. – Вы всё

узнаете из первых уст, милая офате. Уже очень скоро.

Разделили значит. Интересно, они обсудили кто кого из девушек присвоит себе, кроме тех, что

уже присвоены? Или всё это случится по принципу “кто первый”? Отчего-то мерзко

стало на
душе. От очередного осознания, на каких правах мы все тут появились, как бы это
ни было
обставлено. Какой бы высокий смысл всему этому ни придавался. Нас привезли в
замок для
молодых мужчин, словно корзину созревших яблок, и в неё уже потянулись руки в
стремлении
ухватить то, что порумянее.
Наконец завтрак закончился, и остальной день я, стараясь не слишком
задерживаться на
прогулках или в разговорах с другими девицами, всё возвращалась в свою комнату
и, пользуясь
мгновениями, когда за мной не приглядывала мерзкая Реби, принималась собирать
вещи в
дорожный мешок. Большой, сшитый из плотного, подбитого и укрепленного по швам
кожей
сукна. Он на своём веку повидал уже немало моих переездов. Сначала из
родительского дома в
пансион, куда меня продали за неплохую сумму, выразив надежду, что я стану
жрицей
Рассветной Матери. Затем в один из многочисленных замков, что принадлежали
королевской
семье, где временно собрали всех девушек, на теле которых проявились руны амант
и которые
по возрасту уже подходили для отбора. А затем уж в малую резиденцию Пьятра Гри,
окруженную густыми полудикими садами и окольцованную широкой лентой реки Пьятра.
Доната не появилась на обеде. От неё не пришло больше ни одной весточки – и это
заставляло
едва не потом покрываться с головы до ног от одной мысли, что вот-вот кто-то
может прийти и
за мной. И что я совершенно не готова к тому, что должно случиться и к тому, во
что меня
впутали. В такие мгновения под кожей снова проносилось пламя, снова жгло всю
кисть от
кончиков пальцев до запястья. Я тогда просто присаживалась на софу в своих
покоях, чтобы
переждать это парализующее ощущение. Но сложнее пришлось, когда вместе с другими
девушками-амантами мы собрались на обычные посиделки за рукоделием. Без работы –
хотя
бы не слишком сложной – нас здесь никто не желал оставлять. И экономки Пьятра
Гри
следили за тем очень строго. Всё же достоинство женщин и девиц не только в
красоте. А
достоинство амант – видно, не только в возможности родить мага. Этого
недостаточно.
Товарки негромко говорили о чём-то неинтересном. Их порой восторженные
обсуждения
мужчин, с которыми в изобилии довелось познакомиться накануне, вовсе не казались
приятными. От них только горечь на языке становилась невыносимее. А сегодня ещё
и
внезапные приступы жжения в руке портили и без того скверное настроение. В такие
моменты я
невольно замирала, опустив руки на колени. Давила подступающие к глазам слёзы и
старалась

дышать ровно, задыхаясь от боли. Больших усилий стоило не выдать себя. И было тревожно до душной тяжести в груди. Как я вынесу всё это дальше? Что делать, и поможет ли мне хоть кто-то избавиться от карты?

– Слышали? – заговорила черноволосая Сильда, коротко оглядываясь на дверь просторной светлой комнаты, нарочно предназначенной для таких вот посиделок за чаем, рукоделием или чтением. – У советника Натана Миклоша пропала какая-то ценность. Может быть, даже связанная с магией. Как раз после ночи с Донатой. И её-то как раз подозревают... Все девушки одновременно посмотрели на неё, а потому мой напряжённый взгляд не выделялся среди остальных. Хоть мне хотелось просверлить им дырку в голове болтухи и тем заставить её замолчать. Сейчас поползут догадки и сплетни. Благо у магов хватило ума сохранить в тайне, что именно пропало у Натана.

▲ Да куда ей, – усмехнулась Ория, молчаливая обычно и всем недовольная девица из южного пансиона. – В голове только ветер один. Да жаль. Может попасть в неприятности – и всего-то оттого, что оказалась в его постели так скоро. Я тихо, но не слишком скрываясь, фыркнула, но Ория предпочла это не заметить. Она-то сегодня как раз пропустила завтрак одна из немногих – так что лучше бы помалкивала. Сама ведь о том, кто именно её задержал, решила пока не говорить. Но то, что от неё теперь исходила неровными потоками некая особая сила, говорящая о возникшей с тем магом связи, я чувствовала отчётливо. Да и остальные, верно, тоже. Она сама загнала себя в ловушку – да, может, тому и рада?

– Стащить что-то у мага никому из нас не под силу, – добавила я ровным тоном. – Они слишком хорошо охраняют свои секреты. Так что скоро все поймут, что она не виновата. Девушки согласно закивали, тихо переговариваясь.

– Но всё же её будут допрашивать. И кто знает... – Сильда зловеще помолчала. – Что будет дальше.

Она права, никто не знает. И вряд ли знала сама Доната, хоть и была уверена, что, не обнаружив карты, её тут же отпустят. Пожалуй и впрямь пора улепётывать отсюда, пока пожар не разгорелся в полную силу. Потому я едва высидела необходимое время вместе с остальными и решила вплотную заняться своим спасением.

Ближе к вечеру, когда уже подступал тот миг, когда мне придётся уходить, я решила пройти указанным на кусочке плана замка путём. Чтобы не плутать после, когда придётся спешно улепётывать из Пьятра Гри. Едва дождалась, как необходимое время посиделок с женщинами закончится, и отправилась вместо своей комнаты совсем в другую сторону, изрядно перед этим попетляв витиеватыми переходами. Даже успела испугаться, что так и заблужусь тут навечно.

Благо со мной был пусть и неполный, но план замка. И удивляться оставалось, как сумела выйти на главную башню резиденции, где ещё ни разу не бывала. Даже замерла на миг, невольно залюбовавшись видом, что открылся с округлой галереи: мягкие перекаты холмов тонули во влажной дымке, вилась дорога между ними, а недалеко, в подкове реки лежал городок Ториндинт– его дома, словно нанизанные на нить бусины, узкие мощёные улочки... Всего пара мгновений задержки – и я поспешила дальше.

Встречались, конечно, слуги, которые даже не обращали на меня особого внимания, только кланялись, отводя глаза. До самого конца пути не пошла, боясь в самый ответственный момент повстречать кого-то из приближённых Венцеля, отметила, что нужно дойти почти до самой стены через густые заросли шиповника – и пошла назад.

Нарочно вывернула в сад, чтобы сделать вид, будто возвращаюсь с прогулки. Уже почти добралась до нужной двери, что вывела бы меня к женской части замка, как навстречу из густых зарослей зацветающего жасмина ко мне вышел унбар Мариан Шербан. Хранитель с большими силами в управлении воздухом и погодой. Не то чтобы он умел любой день сделать солнечным, но вот наслать кратковременное ненастье – как говорили – не стоило ему больших усилий. Он шёл навстречу неспешно, внимательно озираясь кругом, словно не хотел ничего упустить. Мелкие, осыпавшиеся на дорожку травинки и листики взвихрялись от каждого его шага. Да ещё на балу во время танца я заметила, как от него постоянно веет прохладой и запахом дубового листа. Приятно и будоражаще – но это вовсе не располагало меня к нему больше, чем позволял разум.

Мужчиной он был лишь едва подступившим к зрелости, но уже вдовым – что его и привело в резиденцию. Он подыскивал себе не просто наложницу, как говорили, а жену – независимо от её происхождения. Такое случалось среди весьма заносчивых магов очень редко. Что вселяло надежды во многих девушек на более спокойную и приятную жизнь рядом с ним без

опасности

быть отравленной ревнивой супругой или невестой. К своему возрасту Мариан только вошёл в

самую силу мужских достоинств: в золотисто русых волосах ещё не было ни намёка на седину.

Резко очерченный подбородок покрывала короткая щетина, которая только заостряла ровно

▲вырубленные скулы. Длинноватый с лёгкой горбинкой нос, острые голубые глаза – пожалуй,

он был одним из фаворитов будущих фавориток – такая вот ирония.

Я попыталась скорее убраться с его пути, скрывшись в кустах, но не успела: заметила слишком

поздно.

– Офате Делериш! – окликнул он меня и ускорил шаг. Нехорошее предчувствие обратилось

пугающей уверенностью, когда он добавил: – А я ведь вас ищу.

Он остановился передо мной, высокий и солидный, широкий, как стена. Окутал особым

запахом: сегодня – раскалённого зноем ветра. Похоже, силы мага умели ясно говорить о его

настроении.

– Я неважно себя чувствую, унбар Шербан, – вздохнула досадливо. – Вот, решила прогуляться. Что-то кружится голова. Но уже собиралась к себе.

Мариан поднял взгляд к бледному небу, с которого едва не водопадом струилось тепло солнца.

Его с утра заволокла прозрачная белёсая дымка, но жары, от которой только и спастись, что в

прохладных покоях или в тенистом саду, это ничуть не умалило.

– Погода меняется, милая офате Делериш. Будет дождь, – маг улыбнулся, снова обращая взор

ко мне. – Мне ли не знать.

Я улыбнулась в ответ, опуская взгляд на свои сомкнутые руки. От неловкости хотелось скорее

куда-нибудь деться. Никогда в жизни я не встречала столько магов разом в одном месте. И их

обрушившаяся со всех сторон сила порой заставляла теряться. Вот так живёшь, больше

слышишь о них слухов и пересудов, а можно ни разу до самой смерти не столкнуться с такими

сильными, как унбар Шербан. Или сам принц Венцель. Конечно, маги есть в каждом городе или

селении: те, что чуть сильнее, приставлены к городскому примару (Примар – должность,

аналогичная мэру, прим. автора), а самые слабые используют свои способности для мелких

нужд или заработка, как лекари или алхимики.

– Пойду прилягу, если позволите, – попыталась я обойти Мариана, но он шагнул в сторону,

преграждая мне дорогу.

– Пойдите. Ещё немного, – его голос стал ниже. Мужчина сложил руки за спиной, будто

удерживался от того, чтобы меня коснуться. – Я хотел сказать вам сегодня весь день... Но

обдумывал много слов, которые мало что значат. Особенно для амант. Потому просто

скажу,
что вчера на балу не видел никого, кроме вас, – он тихо рассмеялся. – Да,
понимаю, что с
учётом моего прошлого это звучит смешно. Но это так и есть. Потому... Я буду ждать
вас
сегодня вечером у себя.
Я вскинула на него взгляд – и он, кажется, даже растерялся слегка, неведомо что
в нём увидев
– верно, всё то возмущение, что мгновенно захлестнуло меня горячей волной.
Затопило
голову, лишая разумных мыслей. Хотелось ответить грубостью, отказаться,
рассмеяться в лицо.
Да только аманты не имеют права отказывать тому, кто их выбрал.
– Не думаю, что готова так рано... – всё же выдавила, мало надеясь на то, что
Мариан меня
послушает. Но он неожиданно вскинул вверх раскрытые ладони.
– Не подумайте ничего дурного, офате. Мы просто поужинаем. И поговорим. Мне
хотелось бы
узнать вас лучше.
– Я не собираюсь обманываться на ваш счёт, унбар, – я отступила на шаг: так было
удобнее
смотреть на него, возвышающегося надо мной на целую голову. – И знаю, чем это
всё
закончится не сегодня, так завтра. Я приду.
Мариан покривил губами, словно мои слова всё же задели его.
– Я буду очень рад. Очень.
Он придержал меня пальцами за подбородок и вдруг, склонившись, коснулся моих губ
своими.
Совсем чуть-чуть, но руна между лопаток стала как будто горячее. Лёгкий ветер,
который
наверняка подчинялся воле мага, разметал волосы у висков, прошёлся, лаская, по
открытой шее,
спустился по плечам на грудь. И тронул щиколотки, качнув подол лёгкого льняного
платья.
Мариан не обнимал меня, только едва касался пальцами лица, но ясное ощущение его
рук по
всему телу накрыло злым волнением. Словно он всё же позволил себе лишнее.
Я отшатнулась, когда поцелуй стал чуть настойчивее.
– Я приду, – повторила и быстро пошла прочь, уже неважно, в сторону своих покоев
или нет
– лишь бы с его глаз долой.
Скоро всё же добралась до своей комнаты и тут же спешно продолжила собирать
вещи, бегая от
сундука к трюмо: благо, после пансиона я ещё не успела обзавестись большим
количеством
▲пожитков. И сборы так увлекли, так тесно заполнили голову мысли о скором
побеге: теперь уж
только и радоваться – что я не сразу услышала шаги за дверью. Услышав, успела
сунуть
только что завязанный мешок под кровать. Рухнула на постель, пытаюсь изобразить
как можно
более страдающий вид.
Реби вошла быстрым шагом и остановилась поодаль, оглядывая меня с явным
подозрением.

– Вам нехорошо? – поинтересовалась так холодно, что, показалось, будь я при смерти, она только удушила бы меня, чтобы я не мучилась.

– Да, что-то голова разболелась. Погода, наверное, меняется, – я выглянула в окно, за которым было всё так же солнечно. – Пожалуй, я пропущу ужин. Всё равно скоро нужно будет идти к унбару Шербану.

И не было стыдно упоминать мага, хоть по губам служанки расплзлась вполне заметная ехидная улыбка. Сейчас Мариан служил залогом того, что меня не будут трогать хотя бы некоторое время, а значит, можно будет улизнуть, пока сам нежеланный кавалер меня хватится.

– Тогда я передам мажордому, что вас не будет на ужине.

– Будь добра, Реби. Я собираюсь вздремнуть, потому прошу не беспокоить меня хотя бы недолго.

Знала бы она, каких усилий мне стоила вежливая улыбка. Но, кажется, моё состояние перестало настораживать служанку, и она, кивнув напоследок, вышла. Я вздохнула, запрокинув голову.

Проклятье, увидеть бы хоть ненадолго Донату, узнать, что с ней. Узнать хоть какие-то подробности путешествия, что мне предстоит. Но она была права: для моей же безопасности лучше и близко с ней не стоять, даже если была бы возможность.

Как всё стихло вокруг моей комнаты, как ушли девушки на ужин, предвкушая, что ждёт их дальше, каков будет выбор всех собравшихся в замке магов, я переделалась в самое простое платье – дорожное. В нём я неизменно путешествовала, не опасаясь испачкаться, оно было удобным: из мягкого хлопка, только едва отделанное тесьмой по рукавам и вороту – самое неприметное, как раз подходящее случаю. Сверху накинула плащ, прикрыв им дорожный мешок. Оставалось только надеяться, что удастся избежать случайных встреч. И что терпение Милиана Шербана окажется достаточным, чтобы он не послал за мной слишком рано. Проторенным уже путём проскочила через замок, представляя себя тенью – сейчас такое умение мне пригодилось бы. Но, к сожалению, аманты не обладали и толикой магии. Лишь могли принять силу мага и преобразовать её в новую жизнь, сохранив, а может, и приумножив.

Теперь пришлось идти до конца – по темноватому коридору, которым, видно, давно никто не пользовался – на задний двор. И в самую глубину его, в колючие заросли шиповника и цветущей ирги. Уже темнело помалу, а потому, опасаясь, что придётся плутать ещё неведомо какими сумрачными переходами, я захватила с собой факел из держателя ещё перед тем, как

войти в узкий ход.

И, как оказалось, не зря, хоть и трудно было пробежать за спиной стражи с ярким огнём в руке.

Широкий каменный колодец, прикрытый изрядно проржавевшей решёткой, в первый миг навёл

меня на мысль, что я пришла не туда, куда нужно. Но в руке был ключ от хлипкого замка, что

запирал вход в него. И последние сомнения развеялись, когда он подошёл к нему.

Тихо

щёлкнул механизм, со страшным скрежетом я отодвинула решётку и, придерживая юбку платья,

полезла внутрь.

Едва нащупала ступеньки, но соскользнула с нескольких и лишь чудом удержалась, чтобы не

рухнуть прямо на дно. Внизу оказалось сыро, душно и воняло так, что слезились глаза. Вот она

– изнанка мира магов, сосредоточенной в огромном роскошном замке – те же помои и нечистоты, что на улицах самого захолустного городишки в самой неблагополучной части

королевства. Только скрыто всё под землёй.

Говорили, ходы эти были построены в очень короткий срок не без помощи магов земли.

Не знаю, сколько я плутала по зловонным червоточинам. Показалось даже, что заблудилась –

пришлось остановиться и успокоиться, отбросив колыхнувшуюся внутри панику.

Когда-то этот

путь подойдёт к концу. Ведь все эти каналы, высокие, почти в человеческий рост, куда-то да

ведут. Не заканчиваются ведь тупиком. Наконец над головой мелькнуло круглое широкое

отверстие, куда ещё падал тускнеющий свет закатного неба. Я, едва не плача от облегчения,

зацепилась за скользкую лестницу и, едва забравшись по ней наверх, доцарапалась до замка и

выбралась наружу из этой дурно пахнущей клоаки.

▲Закат уже угасал, стекал последними огненными потоками между остроконечных крыш Пьэтра

Гри и растворялся где-то за укрытой наступающими на небосклон облаками. Как бы и правда

дождя не началось на мою голову. В это время года они случаются особенно часто.

Приподняв порядком испачканный в нечистотах подол, я посемила по едва заметной дорожке

между руин когда-то выстроенных в этом жутко заросшем сквере ротонд. Говорят, в каждой из

них когда-то было по маленькому Колодцу, откуда маги могли черпать силы едва ли не мимо

проходя. А сейчас они служили лишь напоминанием о том, что любой источник может со

временем угаснуть. И что они угасали в последние годы особенно часто и быстро. Маги-

Видящие едва успевали разыскивать новые. Но с каждым годом это становилось всё труднее, а

потому Королевский дом ещё не оставлял надежду, что кто-то из амант родит наконец

Создателя – одного из самых редких магов, которых и раньше-то было по пальцам пересчитать, а уж теперь они едва ли рождались раз в пятьдесят лет. Тускнеющий свет уже плохо проникал через плотный полог сомкнутых над головой листьев.

Изрезанные тёмными извилистыми бороздами стволы клёнов казались в мутном тумане колоннами храма самой Закатной Матери. И я шла по нему, боясь остаться тут навсегда, настолько необитаемым казалось всё вокруг, будто и вовсе попала в другой мир. Но громада

Пьетра Гри высилась за спиной и ещё напознала тенью, будто дотянуться до меня хотела и

поймать за шиворот. Хрустели мелкие камни под ногами. Я то и дело спотыкалась о вздыбившие каменную кладку тропинки корни или проваливалась в выбоины. Тропинка вела

меня неведомо куда – так казалось, но на самом деле в конце её за калиткой будет выход в

город. Почти на самые его окраины. А оттуда мне ещё идти невесть сколько до “Белой утки”.

Кто его знает, где она – я ни разу там не бывала. И думается, к счастью.

Наконец деревья начали чуть расступаться и в едва подёрнутой злотом дымке, что влагой

оседала на выбившихся из-под капюшона лёгкого плаща волос, проступили очертания выщербленной, словно зубы тролля, ограды. Вот и кованые воротца, кажется, запертые? Как я

буду выбираться? Не лезть же через стену!

И к тому же, словно назло, вдалеке послышался лай собак. Видно, сюда их выпускали вечером.

А может, они бегали тут постоянно, чтобы изловить или хотя бы напугать тех, кто пожелает без

спроса прогуляться по пустынному парку.

Гавканье становилось все истощнее и ближе с каждым мигом. Я прибавила шаг, постоянно

оглядываясь: эхо металось между деревьями, отражаясь от каменных боков ротонд, путая, не

давая понять, откуда же на самом деле доносится.

Я бросилась вниз по тропинке, неприлично задрав подол до колен. Через пару шагов со всего

размаху наступила в очередную ямку и едва не закувыркалась, но всё же сумела удержать

равновесие. Воротца, тускло поблескивающие на свету, приближались слишком медленно.

Дорожный мешок бил по спине и звенел чем-то, хоть ничего звенящего я, кажется, в него не

укладывала. До слуха донеслось жаркое дыхание. Шорох быстрых лап, топот. И снова – лай,

от которого в груди подпрыгнуло сердце и упало куда-то в живот. Перед глазами на миг

вспыхнуло багровым. Я перестала видеть вокруг хоть что-то, каждый миг ожидая, что в ногу

мне вцепятся острые зубы.

– Убереги, Матерь, – шептала на каждом шагу.

И наконец схватилась пальцами за прохладные прутья ворот. Признаться, боялась, что и тут

будет висеть замок. Но калитка оказалась заперта постольку-поскольку: видно,

здесь больше
надеялись на лохматых стражей, чем на запоры. Толстая цепь была просто обмотана
вокруг
соседних прутьев. Тяжёлая – торопясь, ломая ногти, я распутала её и,
содрогнувшись от
пронзительного скрипа несмазанных петель, выскочила в Ториндинт. В тот самый
миг, когда
одна псина всё же догнала меня. Лязгнули зубы возле бедра. Но между мной и
собакой встала
закрытая калитка – и пёс заметался, пытаясь ещё меня достать.
Я кое-как намотала цепь обратно, чтобы кобель не вырвался. Лишь бы за ним не
подоспела
стража, ведь лай наверняка привлёк кого-то из людей. Ещё две собаки подбежали к
воротам,
заходясь злым урчанием и повизгиванием, будто их лишили обеда.
Я выдохнула и отвернулась от них. Шея взмокла от страха, а платье прилипло к
спине:
натерпелась, едва только ступив за порог Пьетра Гри. Признаться, оставалось
только молиться
Рассветной Матери, которая уже помалу теряла свои права вместе с тем, как
темнело всё
сильнее – не хотелось попасть в руки ещё и какому-нибудь отребью, что наверняка
шастает на
окраине Ториндинта в такой час.
♣Но на удивление кругом оказалось тихо, несмотря на тёплый летний вечер: ни
стражи, ни
слоняющихся горожан. Видно, людей напугал приближающийся дождь. Вдалеке
погромывало. Тучи всё явственнее затягивали небо, всё стихло, ни ветринки не
проносилось
между плотно стоящими друг к другу домами – значит, гроза может случиться
сильная. А мне
в дорогу – просто прекрасно!
Как будто в ответ на мои мысли, невидимый сейчас браслет заколол кожу. Я
почесала саднящее
запястье – проклятая Доната! Даже не узнала моего окончательного ответа,
нацепила на меня
эти оковы, вживила мне под кожу карту, которую я и видеть никогда в жизни не
хотела.
Шаги гулко разносились, звеня на каменной мостовой, и тонули в сгущающемся
влажном
мареве. Парило нещадно, словно я оказалась вдруг на подогреваемой медленным
огнём
сковороде с водой. Загромыхало снова – уже ближе. Я озиралась, то и дело
посматривая на
клочок бумаги, что дала мне Доната. На как будто вырванном из карты куске города
тёмно-
красной линией был прочерчен мой путь. Маленьким крестиком – отмечена таверна. Я
свернула в узенький переулок, проскочила едва не шаркаясь плечами о тёмные
бугристые
стены. Закапало. Лениво, тяжёлыми каплями ударяя по голове и плечам. Смахивая с
бровей и
ресниц влагу, я вышла на другую улицу и прибавила шаг, лелея надежду, что
повозка, которую
мне подготовили, будет крытой.

Мелькали над головой вывески всевозможных булочных – похоже, я попала на улицу пекарей.

Здесь всегда витал в воздухе запах опары и корицы, хрустящей румяной корочки, которую так приятно надломить, чтобы ощутить тёплую мягкость хлеба внутри. В ответ на мысли о еде в животе ощутимо вздрогнуло. Я снова свернула и, промокая под усиливающимся дождём всё сильнее, вышла наконец на улицу постоянных дворов и всевозможных харчевен – на любой вкус и кошелёк. Здесь тоже пахло едой, которую уже готовили в поварнях к тому мигу, как начнёт собираться на ночные посиделки городской люд и постояльцы. Наконец, беспрестанно шаря по вывескам взглядом, я натолкнулась на ровно вырезанную и любовно побеленную утку.

Огляделась, приближаясь – и увидела выплывшую из тумана крытую повозку с с плотным пологом. Как же хорошо, что не придётся мокнуть, хоть от большого дождя этот хлипкий навес на жердях вряд ли уберезёт.

Дальше стояли и другие повозки, но одна из них тут же уехала, как только из неё высадился высокий, закутанный в плащ мужчина. Другая, кажется, была пуста. Я подошла ближе, выглядывая кучера – тот, видно, дремал, сгорбившись под непромокаемой накидкой на козлах.

Он вздрогнул от звука шагов и обернулся через плечо. Встряхнул вожжами – и две каурые лошади одновременно переступили копытами, собираясь уже трогаться.

– Ну, что, едем, офате? – буркнул он не слишком-то довольный. – Жду вас невесть сколько.

Скоро под задом хлюпать начнёт, прости Рассветная Матерь.

Я обернулась, бросая последний взгляд вдоль улицы. Прислушалась невольно: нет ли ещё погони, ведь, когда после всех проверок обнаружат, что у Донаты нет карты, то начнут искать воровку. А на кого падёт подозрение в первую очередь? На захворавшую девицу. А там уж сразу обнаружат, что её в покоях нет. Нет и у Мариана Шербана.

– Едем, – я кивнула и, приподняв подол, быстро забралась в повозку. Сидение оказалось не слишком удобным, на таком, пожалуй, в долгом пути отсидишь себе всё, что ниже спины, да выбирать не приходится. Раз уж я по собственной неосторожности и доверчивости беспросветно вляпалась в эту сомнительную заварушку. Доната много кого умела облапошить, вот и я попалась на её удочку. Если она приедет вслед за мной, то получит сполна!

Кучер звонко причмокнул, сильнее ударяя поводьями – лошади тряхнули головами и легко сдвинули повозку с места. Гулко зацокали копытами по щербатой мостовой и “Белая утка”, в которой я так ни разу и не побывала, быстро пропала за бесчисленными поворотами

городских
дорог.

Дождь всё расходился, но пока без ветра. Кучер тихо поругивался, всё дальше на
глаза

натягивая накидку. Несмотря на полог, которым закрывался навес, образуя нечто
вроде тёмной

каморки с маленьким оконцем сбоку, на колени брызгало, башмаки начали промокать
помалу, и

я попыталась спрятать ноги под лавку, на которой сидела. Хотелось сильнее
прикрыться

плащом, уже тёмным по низу от влаги: вода заливалась в каждую щель. Оставалось
надеяться,

что путь всё же не окажется слишком долгим, хоть, как сказала Доната, ехать
полдня до

следующего городка, где они должны будут встретиться, переночевать, и двигаться
дальше.

▲ Усталость и переживания уже давали о себе знать: я и хотела бороться со сном,
да никак не

получалось. И скоро, устав наблюдать, как помалу тонет в дождливой пелене всё
вокруг,

прислонилась виском к опоре навеса и задремала, иногда только содрогаясь от
сырости, что

помалу пробиралась под подол. Не слишком-то позаботился тот, кому нужна карта, о
девушке,

что должна была её стащить. Но даже вялая злость на всех вокруг не помешала
моему сну.

В конце концов я едва не свалилась с лавки, когда повозка вдруг резко
остановилась. открыла

глаза, недоуменно моргая и смахивая с ресниц осевшую влагу. Отогнув полог,
поначалу даже

не увидела ничего, хоть уже, оказывается, светало. Дождь стал настолько сильным,
что на полу

повозки скопилась солидная лужица. Подол мой совсем промок, и сырость гуляла по
коленям,

струилась вниз до самых ступней, которые, несмотря на летнее тепло, только и
отступившее

вечером, изрядно озябли.

Только после я подняла взгляд, выглядывая из-под навеса так, чтобы не залило
лицо. Да быть

того не может! Где я оказалась?! Это точно не походило на небольшой городишко с
тесным

постоялым двором, где предстояло переждать какое-то время. Перед глазами, будто
горная

гряда, высились стены огромного замка. Высокая широченная башня по центру его
утопала

верхушкой в густых клубящихся облаках, Другие – поменьше, увенчанные, словно
колпаками,

остроконечными крышами, окружали её и торчали со всех сторон вокруг просторного,
закованного в гранит двора.

Кучер, как ни в чём не бывало, спрыгнул с козел и махнул вышедшему во двор
слуге, который

явно не рад был в такую рань и непогоду встречать гостей. Он подошёл и подал мне
руку, даже

не глядя.

– Доброе утро, офате, – буркнул таким тоном, будто на самом деле желал мне немедленно провалиться в самые чертоги Закатной Матери.

– Скажите, а это... Куда я приехала?

Слуга посмотрел на меня, как на умалишённую. С его лица даже сошла злая соловость.

– Очевидно там, куда вы ехали, офате. Это Анделналт. Замок семейства де ла Фиер.

– Это всё прекрасно. Но я ехала не сюда...

Я в панике зашарила взглядом по двору, но, кроме кучера и озадаченного моими словами слуги, здесь никого больше не было.

– Эй, Ранс! – окликнул тот товарища, который хлопотал вокруг лошадей, уже собираясь уводить их. – Ты кого привёз?

Кучер вскинул голову, явно не понимая упрёка в его голосе.

– Офате Трандафир, – ответил, хмурясь всё сильнее и подозрительно меня оглядывая. – Она подошла ко мне возле “Белой утки”. Собиралась ехать. Я спросил...

Дальнейшее бурчание раздосадованных мужчин полностью потонуло в мгновенной глухоте, что обрушилась на меня. Ещё этого не хватало – оказаться не весть где, в замке аристократов.

Да мало того – де ла Фиеров. Тех самых, о старшем отпрыске которых так нелестно намедни отзывался принц Венцель. Думается, это последнее, что можно было себе вообразить из всех случайностей, что могли свалиться мне на голову.

Слуга, перестав препираться с незадачливым кучером – да что там, я тоже хороша, даже не спросила, куда он едет и кого ждёт – всё же помог мне спуститься с повозки.

– Это недоразумение, офате, – бормотал он виновато, будто сам меня сюда и привёз. – Вы проходите внутрь. Не нужно мокнуть. Обсохнете, а я позову унбара Альдора де ла Фиера. Он всё решит.

Тон слуги сменился с озлобленно-усталого на заискивающий, будто в замок к ним пожаловала случайно сама королева. Возражать я не стала – куда ж мне теперь деваться? – и прошла вслед за мужчиной, который даже пожертвовал мне свой плащ, оставшись под дождём в одной рубашке. Да вряд ли уже ещё одна накидка мне поможет.

Меня провели в блаженно тёплой, буквально залитой желтоватым светом огней нутро замка Анделналт. На всевозможные светильники тут явно не скупилась. Ими щедро были увешаны стены, множество свечей горели в огромной люстре под самым потолком просторной прихожей, из которой вверх вела узкая изогнутая лестница, а в стороны уходили неведомые мне, сокрытые резными дверьми ходы. Слуга повёл меня направо и вскоре предложил присесть в уютной, тесноватой комнате, отделанной широкими деревянными балками и цветочной росписью на белёных стенах. И снова – несметное количество кованных светильников ясно освещали гостиную от угла до угла. Тёмного дерева мебель

казалась

▲вырезанной из шоколада. Я даже присела с опаской, боясь, что она сейчас хрустнет и развалится подо мной.

– Вам принесут горячего вина – согреться, – напоследок уверил меня слуга. – Подождите, будьте любезны.

Он вышел, забрав с собой свой тяжёлый плащ. И скоро расторопная служанка в слегка мятом, словно наспех надетом, переднике поверх тёмно-коричневого платья принесла мне целый кувшин разогретого со специями вина, что своим ароматом тут же наполнило всю комнату.

Поставила на столик два изящных, кажется, серебряных кубка и безмолвно пропала за дверью.

И снова стало почти тихо, за исключением тех звуков, что всегда наполняют большой дом.

Даже каменные стены не могут скрыть их полностью. Вот и замок Анделналт будто звенел

наполняющей его жизнью. Тихо потрескивало пламя в светильниках, шумел за окном дождь,

как будто плотным коконом сомкнувшись вокруг меня, вокруг этой огромной крепости, в

которой я оказалась – не известно пока – к добру или беде.

Я даже с места не могла сдвинуться, скованная страхом и невольным смущением. Что будет,

как Доната не обнаружит меня на месте? Неизвестно насколько я задержусь здесь. Неведомо

что меня ждёт за этими стенами. Де ла Фиеры – древнейший род магов. Мужчины этого рода,

если не ввали слухи, немногие, кто брал амант в жёны. У них рождались и Видящие, которые

разведали многие Колодцы, что не иссякли до сих пор. И Хранители – талантливые алхимики

и воины, о которых ходило немало легенд. Вдруг Альдор де ла Фиер, который в кругах

аристократов славился, помимо всего прочего, своим скверным нравом, сейчас мгновенно

разглядит во мне то, что я пыталась скрыть, убегая из Пятра Гри?

Аж ладони вспотели и голову повело без вина. Куда ещё и к кубку прикладываться – и вовсе

впаду в шальную панику. Оставалось ждать, сидя поближе к разведённому в небольшом камине

огню. И каждой порой кожи прислушиваться к ощущениям и звукам, что слабо доносились из-

за толстой двери.

Наконец она отворилась – почти неслышно. Я и не разобрала бы этот лёгкий звук распахнувшейся створки, колыхание воздуха, вихрем пронёсшегося внутрь, если бы не была

напряжена до предела. Уверенные размеренные шаги за спиной быстро стихли. Шорох ткани,

тихо поскрипывание жёсткой кожи сапог – я будто видела того, кто пришёл, ещё даже не

повернувшись к нему.

Но всё же повернулась, когда меня окликнули:
– Доброе утро, офате, – густой низкий голос прокатился по комнате и словно бы слился с горячим пламенем в камине, в каждом светильнике – свет закачался, всполохи затрепетали, будто приветствуя его.
Я встала с дивана, невыносимо медленно поднимая взгляд на мужчину, скользя им – не ошиблась – по высоким сапогам коричневой кожи, по крепким бёдрам, едва обрисованным мягким сукном штанов. По блестящим застёжкам замшевой безрукавки длиной до бедра, плавными складками очерчивающей широкую грудь. И шее в распахнутом вороте чёрной рубашки. Словно не раннее утро на дворе, а вечер – и хозяин уже собрался выезжать на некую важную встречу. И я перед ним – в заляпанном подсохшей грязью, самом простом, что у меня было, платье: ладно хоть нечистоты с него смыл дождь. С влажными, завитыми волнами волосами, взлохмаченными вокруг головы. С нелепым дорожным мешком на плече, о котором совсем позабыла, так и не сняв. И вся несуразность моего облика ясно отражалась колкой подозрительностью в глазах хозяина Анделналта. Острый, вовсе не доброжелательный взгляд темноволосого мужчины так и вцепился в моё лицо. Напряглись резкие скулы и впадинки на покрытых длинной щетиной щеках. Глаза цвета густого, подсвеченного солнцем мёда, выдающие в обладателе мага огня, сощурились слегка, и по радужке их словно пламя прокатилось. Жутковато и красиво. Но странно – прохладное облегчение пронеслось в груди: он не Видящий, способный при желании и некотором рвении распознать во мне аманту, которой не место за стенами королевской резиденции. Только вот Хранители, а особенно маги огня – самые вспыльчивые и опасные не своими знаниями, но силой. Потому облегчение было недолгим.
– Доброе утро, унбар де ла Фиер, – кажется, через целую вечность ответила я, тихо удивляясь тому, что о столь привлекательном мужчине и наследнике огромных богатств девицы в моём окружении не шептались с утра до ночи.
♣Хотя, если подумать, то в том не было ничего удивительного. Его строгая холодная красота, похоже, таила за собой большие опасности. Он подошёл ближе, а я почувствовала вдруг, как тепло огоньков сомкнулось вокруг меня жарким кольцом. В таком доме любой может оказаться в ловушке: одно веление хозяина, и раскалённые, трепещущие прислужники вмиг оставят от гостя кучку пепла.
– Как изволите к вам обращаться? – его голос, пронизанный лёгкой

заинтересованностью, что

как будто стала острее, после того, как Альдор рассмотрел меня лучше, объял осязательной силой.

– Хория, – не придумала я ничего лучше, чем назваться именем матери.

В конце концов, вряд ли я останусь в этом замке надолго. Мужчина вопросительно приподнял

брови, но фамилию называть не хотелось – и он тем, кажется, удовлетворился.

– Так рассказывайте, офате Хория, как вы попали ко мне в замок вместо офате Трандафир,

которая должна была стать... помощницей для моего брата? – Альдор неспешно присел на

диван и жестом предложил опуститься рядом. – И куда вы направлялись?

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/beglyanka-s-sekretom-b132101>